

Александр ВОЛОВИК

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ 2023 ГОДА

Москва

ММХХІІІ

Александр Воловик

Избранные стихи 2023 года. Стихи, 34 с.

ИД «Вручную», 2023

© А. И. Воловик, 2023

© ИД «Вручную», 2023

ДАВИДУ

Земля многообразна:
в Непале — Эверест.
Италия прекрасна,
в ней много дивных мест.
А в Антарктиде, кроме
пингвинов, только снег,
тогда как в Белом доме —
Овальный кабинет.
В России — самовары,
матрёшки и сельпо.
В Париже есть бульвары,
в Зимбабве — Лимпопо.
В Египте пирамиды.
В Китае — фейерверк.
Но нет нигде Давида,
как в городе Дюнкерк!

МРІЯ

Проживать нешумно на
осьмимерном острове,
не канать за умного,
а канать за острого.
Быть прыгучим, как коты,
и когтистым, как они.
Не мычать от скукоты,
петь, как мошка в коконе.
В эмпиреях реять — над,
не играть в игры дня,
первых трёх координат
хрюки игнорируя.
Ни ухмылка, ни слеза
да не угнетёт лицо,
а — растаять без следа,
когда рухнет это всё.

К СМЕРТИ

Ни возмущения, ни сожаления.
Ни покорности, ни протеста.
Ни растерянности, ни сомнения.
Ни деяния и ни текста.
Тлеть одному, а другому цвести.
Всё таково, какво оно есть.

* * *

Понятно, дни мои сочтены,
но совсем не об этом сны.
Не мнил, что умру посреди войны,
а умру посреди войны.
Что конец найду в огневом аду,
где ни камня на камне нет.
Что вот эту буду гнать ерунду
пред собой на не этот свет.
И взлетит ли внучек и внуков рой
в синеглазую мглу небес
или чёрт, увлечён мировой игрой,
даст вкусить им насущную днесь?..

* * *

Выбирая два цвета в весёленькой радужной гамме,
не забудьте: за мыслью сугубо стоит вещество.
Счёт идёт на часы, а вы сопли жуёте годами.
Ну, тяните, тяните. И вам прилетит кой-чего.

ТОЖЕ ПОЗИЦИЯ

— Что-то Вы замолчали, не пишете. Старость, да?
— Нет, напротив, я бодр, даже шустр, как никогда!
— Где же Ваши шедевры? Стихира и прочие ждут,
когда Вы, наконец, обнарудуете свой труд.
Знаменитые рифмы, сарказмы, метафор рой...
Вы же были первым! Вас что — обошёл второй?
Не смиряйтесь! Что же, что век наступил иной!
Потрясите своей хвалёною стариной.
— Век иной, это да. Хрюкает мюзик в мове,
и у критика нож топырится в рукаве...
Я, как страус, шепчу, головой погружён в песок,
из которого, верю, проклюнется колосок.
И грядущий жнец, откушав моих хлебов,
проорёт мою ненависть и мою же любовь.
А пока бармаглоты тут тексты правят и бал,
лучше я помолчу, пока я их в гробу не увидел.

ПАНИЧЕСКОЕ

Страна и планета готовы повеситься
по самым крутым от фантастов клише.
И мы доживаем последние месяцы,
но планы менять не готовы вообще.
Вот я, например, на верёвочке тоненькой
почти что повис над родимой Москвой,
но мне не разделаться с силлаботоникой:
и бред в амфибрахий пакую, и вой.
Бессонно страдаю стишками бесплодными,
надеюсь на некий немислимый вдруг...
А нет бы пуститься петлять огородами,
где что росгвардейцам, что НАТО каюк!
Укрыться в подзол бы башкой страусячьёю,
ногой страусячьёю гаджет бы пнуть,
где жизнь, на экране так сляпана начерно —
и до демоверсии не дотянуть.

* * *

Синебородый не велел супруге
входить в дезинформационный центр
и наблюдать кривые знаки Зорро,
летающие с экрана, как плевки.
Она вошла и, как в ведьмачьем круге —
в глазах свинец, клыки!.. Ненужных сцен
чтоб избежать, а заодно позора,
пришлось её убрать: вампиры так ловки...

* * *

Конца нет рассеянности и краю
со времени прям-таки она
платок за платком носовые теряю,
как будто бы я Дездемона.
Но больше не буду! Платка не нащупав,
теперь не шагну и полшага.
Карманы и пазухи все обыщу, как
ищейка. И фиг тебе, Яго!

* * *

Не нервирюя каждую мулю
и не ждя поступления сумм,
я от нечего делать рифмую
и не лезу в властители дум.
Пенсионно угасли желанья.
Не зовёт ни Париж, ни Байкал.
Но поэзия, будь она ладна,
всё ещё поднимает бокал.
Снова чокнусь, и звон мелодичный
поплывёт сквозь бессонную ночь...
Пусть я чокнутый, что неприлично,
но зато стихотворец и проч.

* * *

Нет, я не ватник! Я другой!
Не телогрейка. Не толстовка.
Я фрак. Я тога. Я подбой
плаща кровавый. Я — мосторга
и москвошвея паладин,
хранитель доблестей частных.
Нас мало. Может, я один.
Пусть я жилет. Но я не ватник!

* * *

Я был у мамы в животе.
Шёл сталинградский бой.
Лежал в предсмертной темноте
великолепный Хармс.
Чуть до меня он не дожил.
А я ещё живой.
Такой же, как и был тогда,
у мамы в животе.

МОЯ ПОСУДУ

Читатель слышишь, как
а может, чуешь, как
цыпляют покойники —
стремятся в рай?
Накрыта крышечкой
моя кастрюлечка.
А ну-ка, что́ в ней ки-
пит — угадай!

ОПАСНОСТЬ БЫТИЯ

Опасность быть и я заметил.
Как «быть» склонять? Я бу? Ты бе?
Он бёт? Мы бым? И что запеть им,
сидящим рядом на трубе?
Чураясь пьющих рóги старцев —
«Быть иль не быть?» — не мой вопрос —
мечтаю даже не остаться
на стуле: я к нему прирос,
не рваться в бой с электрофеном
без упоения в бою.
Я только тыкать пальцем бранным
смартфону в личико люблю.
Люблю довольствоваться малым,
как ветхий МНС в НИИ,
весь в эфемерном, виртуальном
и неопасном бытии.

В КРИВОМ ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Испаряется жизни лужица,
и вот-вот позвонят на выход.
Почему-то я должен слушаться
дураков, негодяев, психов.
Маразматик грозитя бритвою.
Врёт мерзавец — я должен верить.
Недоумок решает, жить ли мне
или в высшей забыться мере!
Параноик пихает к пропасти.
Точат нож на меня бандиты,
и слюнями хлебала полнятся
людоедов из лжеэлиты.
Я прошёл сквозь кривое зеркало.
Я живу искажённой жизнью.
Тут и свет небесный померк зело,
об вернуться — вообще не визгни.
Это всё для меня, всенизшего!
Я же зрел и давно прозрел я.
Отмахнусь ли четверостишьями
от реальности омерзенья?..
Вряд ли этими что порушу я
из указанной гадской нечисти.
Чтоб мразь разметать и шушеру,
надо выбрать слог поувесистей.

НИ БЕ, НИ МЕ

Мне не понять, я ни бе, ни ме,
гляжу, как на вход баран.
Что происходит у них в голове,
у тех, кто не либерал!?
Их манит сила? Влечёт разбой?
Их верх обратился в низ?
А где справедливость, закон, любовь?
Да просто: хотя бы мысль?
И как теперь быть, куда дуть в гудок —
в укрытие? К топору?..
Я вне пониманья. Мой ум подох
на сайте ум точка ру.

ПОЭТ И МЕНТ

басня

Поэт мента увековечил
в своём экспромте.
А мент поэта изувечил,
сказав: «Пройдёте!»
Поэт, ты зря сморозил чушь, да!
Она не та.
Увековеченное чуждо
душе мента.

* * *

потрогать пятницу за самый пятый час
за запятую пятую пятнашку
запятанный пятнистый пенопласт
помятой пеной плюхнуть на подушку
потом тома томить в тени того
которое и тронуть-то преступно
вот вероятно то и вещество
что в тот четверг мне угрожало стукну
и скуки нет и трость чертит песок
и логика определяет меру
где пятница снимает поясок
и меч кладёт в ладонь легионеру
и мяч кладёт в клешню пенсионеру

* * *

Всё будет хорошо в конце концов.
Пройдут века, пройдут тысячелетья.
Конец концов как сладкое на третье.
Вкуси его, от счастья пунцов.
И, как всегда бывает на Руси,
пройдёт зима, опять наступит лето.
Искусственному слава интеллекту!
За это всё скажи ему мерси.
Такая будет общая лафа,
что даже коммунизма злей и круче.
И проплывут кубические тучи
под звуки: си-ми-ля-ре-соль-до-фа́.

НАКАЗ

Раскатай губу в улыбке,
спрячь свирепые черты,
чтобы лохи не могли бы
взвидеть истинное Ты.
Чтобы *эти* и не только
разглядели только лишь
то, что будет им без тóлку,
тойсть, как говорится, шиш.
А когда наступит время,
да хотя бы просто Ч,
ты предстанешь предо всеми
чистым дьяволом ващё.
Как махнёшь на них копытом,
как издашь весомый рык!..
И увидят все они там,
как ты лопнешь, точно пшик.

БУНТ ПРОТИВ ИИ

То танки нас давят, то пушки палят,
то машет опричник кувалдой,
то осуществляет тотальный пригляд
за нами компьютер коварный.
Сумы опасайся, а также тюрьмы,
и санкций, и боекомплекта,
но больше всего страшися его —
искусственного интеллекта.
Сломай телевизор, разбей окуляр,
сегодня в луддиты иди ты!
А там — доберёшься уж и до бояр
и прочей потешной «элиты».

И КНУТ...

Народ не кровь, а школа.
Кто ментор — вот вопрос.
Сомнение — крамола,
но как всё началось?
Нас со времён Ивана
цукало ГПУ.
Нам счастье не нирвана,
как *там* кое-кому.
Нам счастье не недостаток
как где-то, где — живут.
Нам кнут и пряник сладок.
Да-да, и кнут, и кнут!
Икнут ли, вспоминая
о сладостном былом,
потомки вертухаев,
воспитанные злом?
Икнут легко и даже —
с восторгом пополам
в естественном экстазе
икается и нам.
И полным ходом катим
накатанной стезёй,
стена гортким матом,
в привычный мезозой...

ТВОРЧЕСТВО

Людоедовые выи боевые.
Щирый гей. Смекалистый тростник.
Услыхал о вас сейчас впервые
и для пробы капнул на язык.
Как кощей хранит свою иголку
в стоге усыхающей травы,
так и я вас берегу, поскольку
смерть, как мне необходимы вы.
Выпив под язык валокордину,
для того развязанный с утра,
я увижу общую картину,
как квартиру, полную добра.
Крикну в озверении запала,
что́ — творю, и вот мой апогей.
Это — злая шея каннибала.
Чира камыша. Разумный гей.

* * *

Когда скольжу по утончённым льдам
в моей морозом скованной стране,
то клёвый Блок и мудрый Мандельштам,
как говорится, курят в стороне.
И ты глядишь, любимая моя,
скептически на эту ерунду.
Не как Л.Д. и точно не Н.Я.,
не чуя предстоящую беду.

ЗАМОРОЗКА

Ты уймись, уймись, невроз,
хрен вам, аллопаты!
Здравствуй, дедушка мороз,
целиком из ваты.
Онемело всё на-раз,
умерло-заглохло.
Заморóзка первый класс —
то-то будет ломка!
На пиру недорогом
стопка не помеха.
И заел бы пирогом
грецкого ореха.
Но не мне свистать скворцом:
свет, и тот мерцанье.
Принеси-ка мне, гарсон,
калию в циане.

ПРОСТИТЕ!

До 30 почётно,
а тут, пардон, куку!
Ребром ошибка чёрта
выходит старику.
И вместо токованья
смешного про любовь
проклятье графоманье
ему волнует кровь.
И он бессонной ночью
в бесстыжем неглиже
строчит за строчкой строчку
в дурацком кураже.
В экран смартфона тычет
артрозная рука...
Пожалуйста, простите,
простите старика!

* * *

Если бьёт дрянной драчун
слабого парнишку,
я тому отдать хочу
всю свою сберкнижку.
Я не буду, как эстет,
наблюдать в бинокль.
Пусть приобретёт кастет
и электрошокер.
Пусть паршивцу разобьёт
нос и выбьёт зубы,
чтоб запомнил наперёд
и не делал грубо.
Но поддержка не придёт
злому хулигану.
Не получит даже йод,
чтобы мазать рану.
Вон он, сука, убежал —
сепсис не игрушка.
Пусть хоть сдохнет — мне не жаль!
Выпьём! Где же кружка?

* * *

Час пик в разгаре. Маячит Балчуг.
Стоит Петровка. Всё перекрыто.
По Ленпроспекту пахан херачит.
Вокруг фигачит пахана свита.
Гогочут пиплы на тротуарах.
Не обижайте сих самых малых!

* * *

Морковки востока, оливки заката
смешались в пылу мирового салата.
А крепкие дыньки полуденных тропик
в сметанке антарктики сами утопнут.
Мы все метрдотели — быстро ли, трактира —
сготовим ли что-то съедобное миру?
Плеснём ли напитки в стакан за стаканом?
Оставим ли крошки своим тараканам?..

* * *

Вышел некто из тумана,
вынул фигу из кармана.
Тут его за зебры цоп! —
не выёживался чтоб.
Показать её хотел,
а на двушечку присел...

* * *

*Но начальник умным не может быть,
потому что не может быть.*

А. А. Галич

Мы, как куклы, висим на кривом гвозде,
а глядишь — и в бачке, где хлам.
Все под гадом ходим, не зная, где,
и как лучше, решать не нам.
Руководство во всю *сображает* прыть,
кому сдохнуть, кому пожить.
Но начальник умным не может быть,
потому что не может быть.

ВСЁ ОТЛИЧНО!

О, не грусти —
 вино «Апсны»,
 бесаме мучо
и эроти-
 ческие сны
 тебя не мучат.
Зато тебе
 ни куба дров
 колоть не надо.
Нелёгко бег,
 но палиндром,
 души усладу,
вертеть в руках
 и прочий стих
 словес подбором
задрав рукав,
 наружно тих,
 строчишь, упорен.
И время ок-
 оло шести,
 весь день твой лично.
И ты не лох,
 и не грусти,
 и всё отлично!

Я — РОБОТ!

— Парень, вижу я, вы не промах,
так рифмуете — просто жуть!
Подтвердите, что вы не робот.
— Нет, я — робот! Не подтверждаю.
Я обучен дышать и мыслить,
интегрировать, рифмовать.
Мне что проповеди, что числа,
что дорога, что моря гладь —
всё едино и всё доступно —
все уловки, цвета, цветы.
Отвечай, это столб или утро?
Докажи-ка, что робот ты!

* * *

Ласкались щёки ль, груди ли
в предвестии сынули
папашей Шикльгубером
двадцатого июля —
кто знает! Но история
всё выполнила, злая,
закончилась которая
в денёк девятый мая.

* * *

Да, мир уже отцвёл. И даже слабый ветер
запустит зонтики в рискованный полёт.
Скелет вселенной сух. И ветер не в ответе.
И можно не чихать — само произойдёт.
Но в каждом зонтике вселенной новой семя,
и, в соответствии с условием игры,
в четверг произойдёт посев, а в воскресенье
родятся новые прекрасные миры.
Так стоит ли грустить и опасаться чиха!
Нет, лучше просто жить, творить и созерцать.
Лелеять тишину, пока светло и тихо.
Начала смирно ждать, не убоясь конца!

Наш мир сегодня.

Главное — не чихнуть...

* * *

Когда не станет интернета —
ни телеграма, ни фейсбука,
каким прибором и предметом
мне разогнать тоску и скуку?
Начну ли склеротичным пальцем
чижа-пыжа лабать по клавише,
займусь ли мовой испанской,
залягу ль в поле нюхать травы?
Уйду в запой ли алкоголя?
Затею ль с девками интрижки?
Прочту ли чуточную долю
какой-нибудь занудной книжки?..
там, Гарри Поттера или Данте...
— Да, блин, не знаю я, отстаньте!

МАМАН

Маман уныло мыла раму,
а папе сделали ботинки.
Но расщепил нуклид урана
всё это на три половинки.

Маман уныло мыла раму,
а папе сделали ботинки.
Но пело Лазаря сопрано
с долгоиграющей пластинки.

Маман уныло мыла раму,
а папе сделали ботинки.
«Торговли двигатель реклама», —
сказала мама без запинки.

Маман уныло мыла раму,
а папе сделали ботинки.
Накласть не меньше килограма
велели крошке Вилли Винки.

Маман уныло мыла раму.
А папе сделали ботинки.
Адам пахал, а Ева пряла,
давя заветами инстинкты.

Маман уныло мыла раму.
А папе сделали калоши,
который воду всю из крана
допил, когда был помоложе.

Маман уныло мыла раму,
а папе сделали портянки,
и вышла новая программа,
чтоб жрать не меньше полубанки.

Маман уныло мыла раму,
а папе сделали прививку,
но вышла новая программа:
и птахой спеть, и скушать рыбку.

Маман уныло мыла раму,
а папе сделали калоши.
Сапожник влез на пилораму.
Царевич слез с крыльца и тоже.

Маман уныло мыла раму.
А папе сделали припарки.
Её влекла дорога к храму.
А он кадрился к санитарке.

Маман уныло мыла раму,
то семо глядя, то овамо.
В деснице тряпка, в шуйце мыло.
А я кричал: «Не надо было!»

* * *

Всходило солнце, как положено,
но новый день валялся в луже,
как самозванец в царской ложе
и как свинья, и даже хуже.

Кругом цвело и пахло дичью,
а на золотом кольце сидели
орлом двуполым геральдичным
мошенники и прохиндеи.

А в это время золотое,
как век поэзии минувшей,
внимало население стоя,
покамест не завяли уши,

из нечленораздельных текстов
тяжеловесные вязанки.
Всё это было неуместно,
темно и глухо, словно в танке.

В саду опять поймали вора,
но шла кукушка, не хромая.
Ревела бурная тревога,
пороча день весёлый мая.

А в доме, жёлтом, словно пресса,
под небом гневным и блакытным
шли лузера по интересам
в свои корыстные корыты.

Они клялись на Камасутре
дойти пешком до англосаксов,
но, наступив на грабли утром,
вернулись в ссадинах и кляксах.

Народ молчал под страхом штрафа.
Икра имела вид полена,
У озера, горя, жирафа
чадила вроде ситроэна.

И каждый конный или пеший
и кто на БТРе даже
увяз по локоть когтем в плечи
и думал: О, когда? Когда же?

Мажорной в унисон октаве
свобода приползла нагая!
«О, времена, а также нравы!» —
воскликнул я, штаны снимая.

И только старая фефёла,
что отзывалась на «маэстро»,
читала вслух «Семью и школу»
и хохотала неуместно.

* * *

Враг сразу наделает в памперс,
как только увидит вдали
кувалду — наш грозный нехаймерс,
как сюр на картине Дали.

ЛЕКСИКОН

Забудьте иностранный лексикон:
вино, коньяк, мадера, цинандали,
велосипед, компьютер, махаон,
кулиса, галстук, пахлава, педали,

сарай, пуанты, кенгуру, содом,
епитрахиль, канон, стенокардия,
фуникулёр, паралипоменон,
рахат-лукум, поэзия, стихия...

Забудьте всё — таков вам мой наказ —
и это непременно вам зачтётся.
Былины пойте. Распивайте квас.
Черпайте черпаками из колодца.

РУКИ

Ах, эти старческие руки
когда-то были молоды.
Они чертили закорюки,
ища в словеснице руды.

Они тузили и ласкали,
и заколачивали гвоздь.
Турник из качественной стали
обхватывать им довелось.

Они и шлёпали, и мыли,
их жали дамы и друзья...
Почти что всё им можно было,
чего сегодня им нельзя.

Отстав от жизни марафона,
осталось, тремор подавив,
мусолить кнопки смартфона,
чтоб жёг сердца инфинитив.

ЗАКЛИНАНИЕ

Ты ль моя тыльная, что ль, сторона?
Быль моя, пыль моя, боль-белена!

Вечер ли ветрен и гривой игрив —
плёво ли, клёво ли, влево ли, вкривь?..

Числа лучистые скажут, когда
свистом умчится беда-лабуда.

Дым папирос, перевоз, перекося...
Родину брось ради розовых грёз.

В звонкий зенит в неназначенный час
взвейся и смейся и бейся, вонзясь!

Вот и твой выход. Выгод не жди.
Звонче травы будь. Выше воды.

* * *

*Ничего не приходит в голову. Я всему
разучился. Старость заливает мозг.
Не могу связывать слова в предложения.
Не слышу созвучий. Видимо, всё...*

.....

Не слышу созвучий.
Того позову, чей
по зову возбúдит
забоданный слух.

А кто этот — сучий
намеренный случай,
верстающий будень,
что сумчат и сух.

Грамм-атом грамматик
ничком на кровати
бессонней бессонниц
и бесов бесей.

Явившийся кстати,
как ватник на вате,
Бездомный в кальсонах
среди сытых гостей.

Ни разу не сбился
в исканиях смысла.
Как бурая сивка
ушами прядя,

пустышку, как сиську,
бесстрастно потискав,
затихнет, испив, как
грудное дитя.

Я И МИРАЖИ

Ужо попомнишь в зеркало смотреться, —
пугает старость, — вскорости приду, мол!
Но я не помню милое из детства,
а вспоминаю рифмы, что придумал.

Поющее изящество созвучий
словесных пазлов; остроту остроты;
аллитераций звукопад трескучий;
метафор тропы, как лесные тропы.

Эскиз абсурда, нарративы тленья —
вот это в голове моей кружится.
А флаги, горны, светопреставленья,
имушество, известность — миражи всё.

ЗАГАДКА

Это кто такой пригожий
к нам на танке прикатил?
С кирпича просящей рожей
без ля-ля и без мудрил?

Кто вестям попался в сводку?
Кто нам кажет новый путь?
Кто раскачивает лодку
(чтоб ей нахрен потонуть!)?

И одра на пересдаче
заменить желает — кто
на такую точно клячу
и такое же пальто?

* * *

— Мы боялись — будет жутко,
а оказалось, это шутка.
— Будь на стрёме, человеке,
ведь пока ещё не вечер!

* * *

Мы все уйдём в нечернозём,
и не воротимся обратно...
Не думай ни об чём таком —
тогда не будет неприятно!

Смотри на мир как пейзажист
без эйфории и тревоги.
А думай только, как сложить
позаковыристые слóги.

И жизнь пойдёт повеселей —
тропою тропиков, не льдами.
Ведь с музыкой и без людей
не то что с этими... с людя́ми!

* * *

*Если бы мужчины ни разу не брились,
то к концу жизни их борода имела бы
длину около 9 метров.*

В. Е. Кисилевский

О парикмахер одеколонный,
бритвой вершащий зловещие пассы!
Я оскоблённый, как оскоплённый.
Ни Карабаса, ни Барабаса...

Я, каб не ты, щеголял бы по свету,
и даже площадью Красной багровой,
радую и украшая планету
мужественностью девятиметровой!..

* * *

Не верю в Бога и справедливость.
Боюсь, что сила одержит верх.
Что груды мяса, что навалилась,
задавит жертв да и прочих всех.

Что совершающего обиду
не остановит ни кровь, ни плач.
Что не поставит пращу Давиду
изготовитель победных пращ.

Что рухнет мир этот прямо в нети,
и в результате победы зла
любовь и жизнь на моей планете
сметёт бессмысленная метла.

Что и не пахнет тут чудесами
за наименьшем вообще чудес.
И это будет не наказание,
а энтропия. Распад. Конец.

* * *

— Прихлопни гада поскорей,
мой маленький прелестник! —
ребёнка учит убивать заботливая мать.
Мы убиваем комаров не для того, чтоб есть их,
а чтобы поняли они, что нас нельзя кусать.

* * *

Меня уже пора на склад нести:
век, как палач, меня наганит,
как вдруг пугает лёгкость складности
и складность лёгкости пугает.

Работы тяжесть монолитная —
прощай! Тупоголовость, вдаль теки!
Набил я руку, и болит она,
и даже онемели пальчики.

* * *

Киту прописали ионодиету.
Кит шасть за Ионой — а оного нету!
Придётся киту перейти на планктон.
Ну, что же, зато не подавится он!

ДЕКАБРИСТЫ

Герои площади Сенатской —
агенты Запада, и вот
поволокли своё фиаско
кто вдаль, а кто на эшафот...

Ни хлебом, ни единым мясом,
ни баб дворовой вкуснотой —
они, пренебрегая классом,
шли на бескомпромиссный бой.

Чтобы холопам и рабочим
дать волю, бедным и худым
(освободить которых, впрочем,
не догадался ни один).

А если б вольности фанаты
повергли гнёт цепей и уз,
то нас давно бы взяли в НАТО,
тем более в Евросоюз!

ПАМЯТНИК

Exegi monumentum...

Я памятник себе ваяю виртуальный,
не заслоняющий простор и кругозор.
Его не разбомбит непассажирский лайнер.
Его не обнулит стремительный курсор.

Он да и как бы нет. Таясь в переплетеньях
весёлых проводов, лихих радиоволн,
он будет тихо петь, нематерьяльный тенор,
неслышимый никем и сам собою полн.

Но вот наступит час (ещё, допустим, время
не потеряет смысл, не отсутствовал),
и смело, как гимнаст на цирковой арене,
грядущий аспирант взлетит к нему впотымах.

И зная назубок HTML и бейсик,
откроет ряд глубин, а может, и новизн,
найдёт согласия свет и гласность птиц небесных
и упакует их в изящный силлогизм.

И весь я не умру, спасибо аспиранту,
и тленья избегу, возможно, и за то,
что в мой жестокий век шептал Свободы мантру
хотя бы сам себе, незрим, как конь в пальто.

НЕТ, ТОВАРИЩ!

Диалог

Первый

— В славном царстве, правда, адрес мне неведом,
и в каком там состоянье общепит,
помогают людоеды людоедам
освежѣвывать и лезвия точить.

Второй

— Но позвольте, ведь они ж не каннибалы!
Ни ребра не обглодали, ни ноги...
на охоте только ножик подавали
и съедаемым почти что не враги.

Что же нам — на невиновных ополчиться,
кто не кушал с человечинной салат,
а всего-то другу пѣредал горчицу?
Этих тоже в людоеды зачислять?!

И не надо обвинений голословных,
тут состава преступленья вовсе нет.
А не то что — проходил мимо столовой,
нюхал воздух, так уже и людоед!

Первый

— НЕТ, ТОВАРИЩ, ТУТ НЕ В СПЕЦИЯХ И ТРАВКАХ.
ЭТО НАДО, ЧТОБЫ КАЖДЫЙ ПОНИМАЛ:
КТО ЧУДОВИЩУ С УТРА ГОТОВИТ ЗАВТРАК,
ТОТ К ОБЕДУ ПОЛНОЦЕННЫЙ КАННИБАЛ!

КАК Я ПРОВЁЛ ЛЕТО

Поле, полное посевов
пролегает вдалеке,
и комбайн, посев посеяв,
пашет тут же налегке.

Украшая грядок склоны,
колосится плод бахчи.
На ветвях поют вороны
и чирикают грачи.

Все ныряют, но не в прорубь,
в салки скачут малыши.
И грибы кругом, которых
собирай да в дом тащи.

Я ловлю за словом слово —
хороша смартфонов связь!
И идут-бредут коровы,
одновременно пасясь.

И орехи по кустам я
собираю впопыхах.
И не слышно стрекотанья
злых дронов в облаках...

Результат такого лета
Вряд ли нас заставит ждать.
Вся земля теплом прогрета
и стихов полна тетрадь.

Чем же кончится всё это? —
сам себя спрошу, присев.
Ну, в муку размолет лето
тот посеянный посев.

Будут булки и печенья,
вкусом сладостным маня.
Вот какое впечатленье
создаётся у меня.

СОДЕРЖАНИЕ

ДАВИДУ.....	3
МРІЯ.....	4
К СМЕРТИ.....	5
Понятно, дни мои сочтены.....	5
Выбирая два цвета.....	5
ТОЖЕ ПОЗИЦИЯ.....	6
ПАНИЧЕСКОЕ.....	7
Синебородый не велел супруге.....	7
Конца нет рассеянности и краю.....	7
Не нервируя каждую мулю.....	7
Нет, я не ватник! Я другой!.....	8
Я был у мамы в животе.....	8
МОЯ ПОСУДУ.....	8
ОПАСНОСТЬ БЫТИЯ.....	9
В КРИВОМ ЗАЗЕРКАЛЬЕ.....	10
НИ БЕ, НИ МЕ.....	10
ПОЭТ И МЕНТ.....	11
потрогать пятницу за самый пятый час.....	11
Всё будет хорошо в конце концов.....	11
НАКАЗ.....	12
БУНТ ПРОТИВ ИИ.....	12
И КНУТ.....	13
ТВОРЧЕСТВО.....	14
Когда скольжу по утончённым льдам.....	14
ЗАМОРОЗКА.....	15
ПРОСТИТЕ!.....	15
Если бьёт дряной драчун.....	16
Час пик в разгаре. Маячит Балчуг.....	16
Морковки востока, оливки заката.....	17
Вышел некто из тумана.....	17
Мы, как куклы, висим на кривом гвозде.....	17
ВСЁ ОТЛИЧНО!.....	18
Я — РОБОТ!.....	19
Ласкались щёки, груди ли.....	19
Да, мир уже отцвёл. И даже слабый ветер.....	19
Когда не станет интернета.....	20

МАМАН.....	20
Всходило солнце, как положе.....	22
Враг сразу наделает в памперс.....	23
ЛЕКСИКОН.....	23
РУКИ.....	24
ЗАКЛИНАНИЕ.....	24
Не слышу созвучий.....	25
Я И МИРАЖИ.....	26
ЗАГАДКА.....	26
Мы боялись — будет жутко.....	26
Мы все уйдём в нечернозём.....	27
О парикмахер одеколонный.....	27
Не верю в Бога и справедливость.....	28
Прихлопни гада поскорей.....	28
Меня уже пора на склад нести.....	28
Киту прописали ионодиету.....	29
ДЕКАБРИСТЫ.....	29
ПАМЯТНИК.....	30
НЕТ, ТОВАРИЩ!.....	31
КАК Я ПРОВЁЛ ЛЕТО.....	32

Александр Воловик

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ 2023 ГОДА

Текст в авторской редакции

Вёрстка: А. И. Воловик

Гарнитура «Verdana»

Издательский дом «ВРУЧНУЮ»

Подписано к печати 27.07.2023

Тираж пока 1 экз